

ПЕПЕЛ и ЛУННЫЙ СВЕТ

Закотянская Ольга

Ольга Закотянская

«Пепел и лунный свет»

«Автор»

2026

Закотянская О. М.

«Пепел и лунный свет» / О. М. Закотянская — «Автор», 2026

Лея верит в формулы. Кай — в долг. Но когда граница между их мирами начинает трескаться, именно они двое становятся последним уравнением равновесия. Остро сюжетный роман о любви сквозь трещины реальности — о том, что даже бессмертие не спасает от потерь, а самые сильные вещи всегда самые хрупкие.

© Закотянская О. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Арка	6
Глава 2. Серебро под пальто	8
Глава 3. Город, который забывал себя	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

«Пепел и лунный свет»

Введение

Считается, что между двумя мирами есть граница. Строгая, как линия на карте: по эту сторону — люди, по ту — те, кто не стареет.
Закотянская О.М.

Это неправда.

Между мирами нет границы. Есть шов. Старый, потревоженный шов, который с каждым годом расходится всё дальше — как трещина на старой стене, которую никто не решается починить. В местах, где шов тоньше всего, реальность дрожит. Там замирают часы, крутятся компасы, а тени живут своей жизнью, не спрашивая у своих хозяев разрешения.

Взрослые не замечают этих мест. Они давно научились не смотреть на то, что не вписывается в их расписание. А если вдруг заметят — списывают всё на усталость, перепады давления и «показалось».

Мне было двадцать два, когда я перестала верить в «показалось».

Я изучала физику и считала, что всё на свете можно описать формулой. Падение яблока. Биение сердца. Даже одиночество — если приложить достаточно усердия, его можно разложить на переменные и научиться предсказывать.

Я ошибалась.

Есть вещи, которые не описываются. Есть ночи, когда трещина в ткани мира расходится ровно настолько, чтобы кто-то по ту сторону сделал шаг — шаг, за которым следует всё остальное. Рана, которая не заживает. Встреча, которая меняет обе стороны шва. И выбор, который нельзя отменить, переписать или пересчитать.

Эта история началась у старой арки на набережной — в ночь, когда луна была слишком близко, а граница — слишком тонко.

В той истории было всё: город, который начал забывать сам себя. Формула, которая оказалась не открытием, а ключом. И он — человек из мира тени, который знал, что любить его — значит стоять на краю. И всё же остался.

Я рассказываю это сейчас, когда всё уже случилось. Не для того, чтобы вы поверили. Верить — необязательно.

Просто если однажды ночью стрелка вашего компаса дрогнет, а в воздухе появится ощущение чужого, странно родного присутствия — не отмахивайтесь.

Возможно, шов расходится и рядом с вами.

И кто-то уже сделал свой шаг.

Глава 1. Арка

Компас врал ровно три секунды. Я засекала по секундомеру на телефоне — у меня привычка фиксировать всё, что не вписывается в норму. Стрелка дёрнулась, описала полукруг, замерла на точке, которой не может быть по законам магнитного поля этого берега, — и вернулась.

Три секунды. Пятый раз за месяц.

Старая арка стояла в конце набережной, там, куда не доходят фонари и не долетают прогулочные катера. Когда-то, лет сто назад, через неё входили в парк отдыха, потом парк закрыли, забор поржавел, а арка осталась — каменная, бесполезная, красивая тем особенным образом, как бывают красивы только вещи, которые больше никому не нужны.

Я приходила сюда за данными. За аномалиями, за цифрами, за чем-нибудь, что можно было вынести на кафедру и сказать: вот, смотрите, здесь магнитное поле ведёт себя так, как не должно. Мой научный руководитель ворчал, что я подменяю геофизику мистикой. Я смеялась и не спорила. Но с собой всегда брала не только приборы.

В тот вечер я взяла ещё и термос с кофе — чёрным, с двумя кубиками сахара, растворёнными заранее, чтобы не мешкать на холоде. Октябрь уже отчаянно качал права: ветер рвал с тополей последние монеты листьев, и вода в заливе была цвета остывшего металла.

— Ну, давай, — сказала я компасу. — Покажи, что у тебя внутри.

Стрелка дрогнула и пошла по кругу.

Я не успела испугаться. Я вообще ничего не успела: воздух вокруг арки загустел, как вода перед штормом, и в этой густоте — звенящей, тягучей — проступил силуэт. Сначала мне показалось, что это тень от колонны. Потом что человек. Потом я поняла, что не знаю, чем это называть, потому что он не выходил из арки — он *проявлялся* в ней, как фотография в проявителе: медленно, с края.

Он сделал шаг — и мир качнулся.

Я слышала об этом эффекте в теориях, которые никому не докладывают вслух: при резком перепаде давления человек чувствует удар в грудь. Мне казалось, что грудь мне ударили снаружи. Я отшатнулась, термос выскользнул из руки, и кофе — горячий, коричневый, самый обычный кофе этого мира — растёк тёмной лужей на камне у его ног.

Он стоял и смотрел на лужу так, будто не понимал, что это.

— Вы ранены, — сказала я. Голос прозвучал странно, буднично, будто я говорила «добрый вечер» соседу, а не незнакомому силуэту, сотканному из лунного света.

Он поднял голову. Я запомнила потом, что запомнила в первую секунду не лицо. Запомнила, что ему *больно* и что он это боль прячет, как прячут письмо, которое нельзя показать никому. Лицо было молодое, бледное до прозрачности, с той особенной, нечеловечески ровной кожей, которая бывает у людей, не знающих ни загара, ни солнца.

На его боку расплзалась рана. Не кровь — свет. Тусклое серебристое свечение, как трещина в толстом стекле: если бы я не знала, что так не бывает, я бы решила, что сквозь его пальцы проступает луна.

— Не подходите, — сказал он. Голос был тихий и неровный, будто он не пользовался им давно. — Пожалуйста. Не подходите.

Я не послушалась. Снимаю шарф — тёплый, бежевый, связанный мамой, — и не потому что думала, что шарф спасёт. Просто в тот момент не было другой вещи, которую можно отдать. Я прижала его к ране, и под пальцами было холодно — как снег в ноябре, как подоконник зимой, как всё, что должно быть холодным, но не должно быть живым.

Он дёрнулся. Почти отшатнулся.

— Не надо, — прошептал он. — Связь... если вы коснётесь... начнёт дрожать.

— Что начнёт?

Он посмотрел на меня так, как смотрят на человека, которому нельзя сказать правду, но который уже догадался. Стрелка компаса, валявшегося на камне рядом с пролитым кофе, крутилась без остановки — я видела это боковым зрением и знала, что если сейчас посмотрю прямо, то испугаюсь. Если посмотрю прямо — всё это перестанет быть исследованием и станет жизнью.

— Как вас зовут? — спросила я вместо этого.

Пауза была длинной. Ветер трепал его тёмную одежду, и я заметила, что по краям она не шевелится, а тает — как дым, как пар, как то, что не должно существовать в моём мире дольше минуты.

— Кай, — сказал он наконец.

— Лея, — сказала я и, не отдавая себе отчёта, добавила: — Вы же не отсюда.

Это не было вопросом. Мы оба это знали — он и я. Между нами, между двумя шагами каменной набережной, дрожала граница двух миров, и я держала рукой рану того, кому не принадлежало ни одно слово этого языка, кроме моего имени.

— Отсюда — только вы, — сказал Кай. И его голос впервые за вечер дрогнул — так дрожит то, что долго держали. — Здесь всё отсюда. А я — уже нет. Если не закрою трещину, меня вытолкнет обратно. И тогда...

Он не договорил. Свет под его пальцами стал ярче — и в этом свете я вдруг отчётливо поняла три вещи, которые потом будет разбирать по формулам целую зиму.

Первая: рана его была не просто раной. Она была *дверью*.

Вторая: он нарушал какой-то закон своего мира — и знал цену.

И третья: я никогда в жизни — ни до, ни после — не была так напугана и так уверена, что не уйду.

— Держите шарф сильнее, — сказала я. — А я буду держать вас.

Над заливом поднималась луна. Она была слишком близко в ту ночь — я потом высчитаю, на сколько километров ближе, чем положено, и не поверю собственным расчётам. Свет стекал по каменной арке, как вода, и где-то в самой глубине этого света, за швом между мирами, кто-то уже знал, что он сделан.

Что за ним последует всё остальное.

Глава 2. Серебро под пальто

Кай не ушёл в ту ночь.

Он не мог: с каждым шагом от арки трещина под пальто разгоралась ярче — я видела, как под тёмной тканью пульсирует серебристое свечение, будто под кожей течёт расплавленный свет. Он шёл рядом со мной по опустевшей набережной, и фонари гасли по одному, как будто город уступал нам дорогу.

— Это ты? — шёпотом спросила я.

— Это трещина. Она тянется к свету, — так же тихо ответил он. — Для неё свет — как вода для плотины.

— Тогда нам нужна темнота.

— Нам нужна яма. Глубокая, тихая, с камнем. Камень глушит.

Мы шли не по главной дороге, а через старые переулки — узкие, с низкими проводами и синими экранами телевизоров в окнах первых этажей. Кай двигался не неровно, а слишком ровно, словно снимал с себя каждый шаг, прежде чем сделать. И он не дышал. Я поняла это не сразу — поняла у закрытого окна, за которым кто-то играл на пианино: его голос лёг поверх звука идеально, без малейшего усилия. Дыхание выдаёт тех, кто пропускает мир сквозь себя. Кай не пропускал.

— Ты не дышишь, — сказала я. Уже на «ты» — не помню, когда мы перешли; наверное, в тот момент, когда вместо ответа прижала шарф сильнее.

— Дышать — значит пропускать мир сквозь себя. В моём мире мы не пропускаем. Мы держим.

— А что будет, если пропустить?

Он помолчал.

— Тогда начинаешь хотеть. А хотеть — опасно.

Под тёмной тканью мигнуло серебро — коротко, зло, как сигнал. Я ускорила шаг.

Дом, оставшийся мне от бабушки, стоял на краю старого квартала — каменный, угрюмый, с фонарём над дверью, который она никогда не включала: «свет притягивает чужое». Я всегда считала это суеверием. Теперь я знала: бабушка знала. Она выросла в квартале, где ещё помнили, как выглядит шов между мирами, — просто в её поколение никто не хотел быть тем, кто скажет об этом вслух.

Кай остановился у крыльца и посмотрел на тёмный фонарь как на старого знакомого.

— Не включай его, — сказал он. — И не из-за меня. Из-за шва. Он дрожит рядом с сильным чувством. А у тебя на пороге — чувство, которое ты сама ещё не назвала.

— Я физик, — сказала я. — Я не называю того, чего не могу измерить.

— Вот поэтому шов и дрожит. Рядом с тобой — неизмеримое.

Я открыла дверь не для того, чтобы закончить спор. Просто серебро на его боку снова мигнуло, и я испугалась сильнее, чем обиделась.

Внутри было холодно, темно и пахло пылью, яблоками и старым деревом — запах детства, который я не любила и не могла забыть. Я зажгла две свечи с подоконника — восковые, недогоревшие с чьих-то поминок, которых я не помнила. Кай замер у порога.

— Огонь? — осторожно спросил он.

— Это ночь, которая согласилась остаться, — сказала я, сама не понимая, откуда берутся слова. — Держись подальше — и всё будет хорошо.

Он держался. Он стоял посреди бабушкиной комнаты — посреди мебели, которую я помнила с пяти лет, посреди часов, которые давно не шли, но были заведены, — и выглядел так, будто попал в чужую жизнь, которая почему-то дышала ему навстречу. Тени тянулись к нему, как к магниту, и он сдерживал их силой, о которой я даже не спрашивала.

— Что будет, если трещина дойдёт до сердца? — спросила я. Сесть рядом было страшно, поэтому я села напротив — за столом под клеёнкой в клетку, за которым когда-то делала уроки.

— Тогда я стану дверью, — просто сказал он. — Не человеком — дверью, через которую можно пройти в обе стороны. И по ту сторону будут стоять те, кто ждал очень, очень долго.

— Кто?

— Те, кто не стареет и не чувствует. Кто смотрит на твой мир как на лужайку. Они называют себя Стражами Порога. А мой народ зовёт их иначе — теми, кто забыл.

— Почему — «забыл»?

— Потому что мы все когда-то были по эту сторону. Давно — настолько, что счёт ушёл. Часть нашего народа прошла сквозь шов — и забыла, что когда-то умела чувствовать. Они не злодеи, Лея. Они хуже злодеев: им не нужно ничего желать — у них уже всё есть.

— А ты кто?

— Я страж. Сорок лет я держу шов — и сорок лет учился не чувствовать. Это условие профессии: чувство дрожит шов. Но я нарушил долг, чтобы спасти друга, который ушёл за шов к людям. Я вернул его — и шов дрогнул. И треснул. Во мне.

— И теперь?

— Теперь я — трещина, которая ходит на двух ногах. Пока я не закрою её с той стороны, мир с этой стороны начнёт забывать себя. Как забывает человек, который слишком долго спит.

Я смотрела на свечу. Воск стекал медленными каплями, и лицо Кая в этом свете казалось полубылым — как будто я уже видела его раньше. Не в реальности — в предчувствии.

— Тогда научи меня, — сказала я. — Твоей физике. Я умею находить закономерности, ты умеешь чувствовать шов. Вместе мы — измерение, которое никто никогда не делал.

Кай усмехнулся — коротко, впервые за вечер, — и усмешка была как луч сквозь щель в ставнях: неожиданная, недолгая, настоящая.

— В моём мире нет физики. В моём мире есть только искусство закрытия — математика чувств. Я учился ему сорок лет. И все сорок лет учёба держалась, потому что я ни разу не встречал того, кого не могу отпустить.

Я поняла его раньше, чем он договорил. Шов дрожит от сильных чувств. Он — трещина. Значит, каждое моё чувство — не только про нас двоих. Каждое моё чувство — про шов, про город, про два мира.

— То есть, если я буду тебя... — я не договорила. Слово застряло.

— Если будешь бояться — шов дрожит. Если полюбишь — дрожит тоже. Страх и любовь качают шов одинаково. Стражи не чувствуют — и шов спокоен. Я начал чувствовать — и теперь дрожит из-за меня. Любовь между нами — не история о счастье, Лея. Это история о том, враг ли шов нашим чувствам. И от ответа зависит, останется ли твой мир целым.

Часы на стене тикнули. Заведённые, молчавшие годами часы — пошли. Кай вздрогнул.

— Это не часы. Это шов. Он дрожит, когда я говорю о нём.

— Тогда перестань говорить о нём.

— Не могу. Ты — часть разговора.

Это была первая фраза, которую он произнёс без единой запинки. И прозвучала она так, как звучат фразы, за которыми стоит вся жизнь.

Я проснулась от холода. Не от будильника — от холода: в доме было так зябко, как бывает только там, где кто-то всю ночь держал в узде свет и тени. Кай стоял у окна, за которым светало, и не заслонялся от света — он выдерживал утро, как выдерживают боль.

— Ты всю ночь не спал?

— Стражи не спят. Мы держим.

— Что держал?

— Себя. Чтобы не подойти ближе, чем позволяют законы. Чтобы не хотеть того, что нельзя хотеть.

— А если хотеть того, что можно?

Он повернулся — и я увидела то, чего не разглядела вечером: у него были глаза разного цвета. Левый — серо-зелёный, почти человеческий. Правый — серебристый, светящийся, со зрачком, который казался вырезанным из лунного камня.

— Твой глаз...

— Шов треснул во мне, — сказал он спокойно, будто говорил о погоде. — И глаз треснул вместе с ним. Левый — мой. Правый — шва. Через него я вижу трещины, пороги, переходы — всё, что обычно не видно. Это часть раны. И часть дара: только этот глаз знает, где шов тоньше всего.

— Почему ты сказал «мы»? Ты сказал «трещина, которую ищем мы».

— Потому что если бы я хотел закрыть её один, я не пришёл бы к тебе. Я бы ушёл к Стражам Порога — они предлагают. Они всегда предлагают. Сдайся, говорят, и мы сделаем тебя дверью. Я отказался. Теперь они знают, что я отказался, — и теперь они ищут нас обоих.

Я замерла.

— Ищут?

— Меня — починить: заставить стать дверью. Тебя — убрать, чтобы ключ не достался никому.

— Я — ключ?

— Твой разум видит закономерности там, где другие видят хаос. Формула, которую ты напишешь, — не открытие. Это потенциальный ключ от всех дверей шва. Поэтому они уже идут. Поэтому прошлой ночью — может быть, последняя спокойная ночь этого города.

Я молчала. В комнате стоял холод, но холод был не от Кая — от предчувствия. Я вдруг очень ясно поняла: моя жизнь с приборами и компасом закончилась прошлой ночью — ровно в ту секунду, когда я спросила «как вас зовут?».

— Тогда у нас мало времени, — сказала я наконец. — Показывай. Показывай, как выглядит шов.

Кай подошёл к окну. Утренний свет, который он выдерживал всю ночь, теперь лежал на нём мягко — как прощение.

— Возьми меня за руку, — сказал он. — И смотри.

Я взяла его ладонь — холодную, твёрдую, невозможную — и мир дрогнул.

Сквозь его руку я увидела шов.

Он был как трещина на старом зеркале, в котором отражался весь город: каждое отражение — отдельная улица, отдельный вечер, отдельная жизнь. Трещина шла сквозь всё — и там, где она была тоньше всего, стояла старая каменная арка. Не руина. Стык. Последний живой стык между мирами.

— Это арка? — прошептала я.

— Это порог. И порог держат двое: я сорок лет держал его один. Но чтобы закрыть навсегда, нужна сила двух. Моя — искусство закрытия, математика чувств. Твоя — закономерности, формулы, законы твоего мира. Вместе — страж, который научился чувствовать, и человек, который видит шов. Стражи Порога этого боятся больше всего на свете. Поэтому они идут за нами. И поэтому у нас есть время до ближайшей полной луны.

— А потом?

— Потом либо порог закроется навсегда — либо откроется навсегда. И тогда, Лея, больше не будет ни твоей стороны, ни моей. Будет только одна. И совсем не наша.

Он не договорил главного, но я слышала это сама: если порог закроет он один — он останется по ту сторону. Навсегда.

— Никогда больше не решай за меня, — сказала я. — Ты принял это условие. Тогда слушай моё решение: закрываем вместе. А если тебе суждено остаться по ту сторону — значит,

мне суждено найти способ быть по обе стороны. Я физик. Я не верю в «навсегда». Я верю в задачи, которые никто ещё не решал.

Кай посмотрел на меня так, как смотрят не на смелость — на невозможность. Стражи сорок лет учатся не хотеть. Стражи Порога не чувствуют вовсе. А здесь стояла я — и говорила про задачи, которые никто не решал.

И тогда я увидела то, чего не видела никогда: он заплакал. Не по-человечески — по-своему: слеза была тусклым серебристым свечением, тёплым, как рана, только живая. Капля скатилась по щеке, упала на пол — и не разбилась: застыла маленьким прозрачным камешком с серебряным ядром. Кай поднял его и вложил мне в ладонь.

— Это память, — сказал он. — Одна из немногих вещей, которые проходят сквозь шов. Только не ищи в ней прошлое. У порога время идёт в обе стороны — там, где оно замирает, оно может течь и назад, и вперёд. Это не воспоминание, Лея. Это обещание: вечер, которого ещё не было. Дождь. Шаги по мокрому асфальту. Твой смех. Если я останусь по ту сторону — открой камень в ночь, когда луна поднимется слишком близко. И тогда ты вспомнишь не меня.

Ты вспомнишь нас.

Я сжала ладонь. Камень был тёплым, как живой, — и где-то на его дне, за серебряным ядром, я уже слышала дождь, которого не было.

До полной луны оставалось одиннадцать дней.

Глава 3. Город, который забывал себя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.